
СРАВНИТЕЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Ю. В. ЛЮБИМОВ

О ПРИРОДЕ АССОЦИАЦИЙ И ПРОБЛЕМАХ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В работе рассмотрены некоторые гипотезы, касающиеся природы ассоциаций, и приведены параметры чувственного опыта, определяющего их индивидуальный характер. Конкретные языки создают свои особые системы аккомодации как для процесса усвоения лексических единиц, так и для развития словаря. В этом контексте ассоциации не являются первичными, а, напротив, представляют аналитический (дифференцирующий) индивидуальный опыт, в том числе чувственный.

Ключевые слова: ассоциация, вербальный опыт, чувственный опыт, звукоизображение, жест, лексическая память.

В эксперименте ассоциации обычно рассматривают как соответствующие словесные реакции на некое стимульное слово. То, что в результате получается статистически значимое распределение «ответов», дает основание считать это неслучайным отражением вербального опыта. Однако представляется важным, что такой опыт включает не только освоение новых слов, но и более широкий контекст коммуникаций; и, конечно, не только процессы порождения и восприятия речи, но и более глубокие сферы человеческой жизни. Об этом можно судить по данным многочисленных проективных методик. Это же лежит в основе творческой деятельности, реализующей сложнейшие «транскрипции» «словесного текста», например, в графических формах¹. Вместе с тем ассоциации служат важнейшим инструментом организации памяти, в частности лекси-

¹ Прекрасный пример – Четырехчастная икона XVI века (Благовещенский собор Московского Кремля), на которой графически вписаны богослужебные тексты.

ческой памяти, отражающей многообразные отношения в природе и обществе.

Процесс восприятия, освоения иного опирается на имеющийся опыт и заставляет нас задуматься над тем, каким образом этот опыт хранится и как он способствует жизнедеятельности, т. е. решению тех или иных задач. Поскольку речь идет о языке, а точнее, о речевой деятельности, следует рассмотреть именно словесные связи, обнаруживающиеся, например, в ассоциативном эксперименте.

Определенно, одна из самых общих реакций – отражение отношений включенности, которое должно быть известно каждому говорящему на данном языке. Чтобы, например, понять значение предложения *Лесси (есть) колли*, необходимо знать, что такое *колли*. Такое отношение включенности, как пишет Дж. Миллер (Miller 1969b), образует часть нашей лексической памяти. В ассоциативном эксперименте появляются как суперординатные (стимул есть вид реакции), так и субординатные (реакция есть вид стимула) реакции.

В таком случае возникают вопросы. Как знания отношений воздействуют на обучение новому и облегчают ли эти заученные ассоциации обучение новым вербальным моделям? Какое направляющее воздействие оказывают эти отношения?

Дж. Миллер предлагает рассмотреть шесть различных гипотез, взятых априорно, которые независимы друг от друга, но не взаимоисключаются.

Первая гипотеза: сила ассоциаций объясняется частотой совместного появления соассоциатов. Если, например, «черно-белый» встречается в речи чаще, чем «бело-черный», то ясно, какое направление будет наблюдаться в ассоциативном эксперименте. Это объяснение годится больше для синтагматических ассоциаций, где синтаксис, понимаемый в широком смысле, играет значительную роль. В согласии с этой гипотезой память представляется в виде хранилища ответов – слов и клише, – свободно связанных паутиной градиентов, которые определяются экологическими (социальными) условиями. Эта гипотеза была бы достаточна, если бы в ассоциативном эксперименте с «хорошей» вероятностью можно было бы предположить появление той или иной последовательности, исходя из «обычаев» словоупотребления.

Вторая гипотеза: ассоциативные связи между словами не заучиваются, но появляются косвенные ассоциации, опосредованные тем, что нечто одно отражено во всех словах данной группы, нечто

другое отражено в большей части этой же группы, нечто третье – в некоторой части группы и, наконец, существует нечто, являющееся принадлежностью лишь одного слова. Считается, что ребенок заучивает отдельно слова, а лишь потом, если это вообще происходит, осознает ассоциативные связи между ними. Миллер приводит пример с больными афазией, у которых отсутствует именно осознание связей между словами, хотя они сохраняют значение каждого слова в отдельности. Память в такой гипотезе представляется как набор пар «стимул-реакция».

Третья гипотеза: слово вызывает некоторый психический образ, причем если это слово *животное*, то у нас появляется некоторый конкретный образ определенного животного, например собаки. Так объясняется связь *животное* – *собака*. В рамках этой гипотезы допустимы две возможности: произвольность и непроизвольность (т. е. хотим ли мы или нам хотят что-либо «представить»). Память в этой гипотезе – картинная галерея образов (по ассоциированным названиям), расставленных по перцептивному сходству. Однако эта гипотеза никак не объясняет наличия суперординатных ассоциаций.

Четвертая гипотеза: структуры значений организуются в виде таксономического дерева. Чтобы найти некоторое слово, нужно от ствола перейти на большую ветку, потом на ветку поменьше и где-то на верхушке, на маленькой веточке «висит» то или иное слово, но этот путь очень неопределен, поэтому для понимания слова необходим путь назад к стволу. Тем самым гипотеза ограничивается лишь отношениями части к целому.

Пятая гипотеза: память представляет собой тщательно перемешанный каталог абстрактных семантических понятий, где определенные пучки понятий представлены словами. По этой гипотезе структура нашего лексикона может быть охарактеризована семантическими маркерами. Каждый лексический вход представляет собой набор некоторых семантических признаков, которые позволяют различать значения всех других входов. Хотя значение удобно представить через маркеры, но они все же лишь абстрактные понятия и свойства, поэтому их трудно однозначно определить.

В простейшем случае маркеры могли бы выглядеть следующим образом:

- имена собственные (+) – имена нарицательные (–);
- исчисляемые (+) – неисчисляемые (–);
- одушевленные (+) – неодушевленные (–) и т. д.

Отметим, что в ассоциативном эксперименте можно проследить тенденцию к реакции тем словом, которое имеет больше схожих маркеров со словом-стимулом. Зная правила комбинации семантических маркеров, любой владеющий языком может интерпретировать значения различных слов. Такой синтез невозможен на бессмысленном материале. Труднее запомнить аграмматический ряд потому, что реально он длиннее предложения, так как его элементы неспособны к объединению в более или менее значащие «куски». Согласно этой гипотезе, перенос научения осуществляется посредством овладения правилами комбинации словесных значений во фразовые. Индивид, потерявший эту способность, различает значения слов, но не может интерпретировать предложение. У такого больного, видимо, исчезает способность переноса от знания «как говорить» к воспроизведению того, «что было сказано». Отсюда направленность ассоциаций от субординатных к суперординатным подчиняется закону «легче вычеркнуть, чем дополнить». Может показаться, что эта гипотеза похожа на предыдущую, но это вовсе не так:

- 1) данная гипотеза оперирует не словами, а абстрактными понятиями;
- 2) семантические маркеры вовсе не нуждаются в сложной ветвистой структуре.

Миллер считает, что значения существительных должны включать маркеры, которые эксплицитно указывают: 1) частью чего они были; 2) какие части они имели; 3) и то и другое.

Если рассматривать первый случай, то придется считать, что отношение «часть – целое» превалирует над отношением «целое – часть», что не соответствует данным Г. Вудроу и Ф. Лауэлла (Woodrow, Lowell 1916); во втором случае отвергается первое направление; третий случай требует дополнительных допущений. Тем не менее эта гипотеза довольно привлекательна.

Шестая гипотеза: ассоциируемые слова часто входят в простые предикатные отношения: А есть Б; А имеет Б и т. п.

Эта гипотеза объясняет направление от субординатных к суперординатным ассоциациям и считает память частью механизма порождения предложения. Это единственная из шести гипотез, которая объясняет направленность ассоциаций и как отношение включенности, и как отношение «часть – целое». Если этого достаточно, то наша память ориентирована на поддержание субъектно-предикатных отношений. Это положение поддерживает основное

мнение, что направленность ассоциаций может быть атрибутом синтагматических факторов. Предложения легче запомнить, чем бессмысленные сочетания, потому что мы понимаем их значение. Значение, согласно традиционному представлению, может быть охарактеризовано в терминах лексических ассоциаций, которые могут быть измерены в соответствующих тестах. В ассоциативном эксперименте, казалось бы, мы видим, что между словами существуют простые связи типа «стимул-реакция». Однако подобные связи не являются психологическими атомами, из которых строится вся речь. Скорее они следствие того, что люди используют свою языковую компетенцию в необычном, чтобы не сказать в неестественном, смысле.

Речь – это не пассивная жертва лексических ассоциаций. Лексическая память должна быть организована для обслуживания речи. Когда мы говорим, то означаем предмет речи (*topic*) и затем приписываем ему некоторое свойство или состояние. Может показаться, что подразумевается, будто лексическая память имеет по крайней мере два входа: один для субъекта («психологического подлежащего»), другой для предиката («психологического сказуемого»)². Если принять предикатную гипотезу (шестую), нужно допустить, что предикаты навязывают организацию подлежащему: «...есть...» – отношение включенности (...*is a...*), «...имеет...» – отношение «часть – целое» (...*has a...*). Миллер склонен считать, что некоторая комбинация гипотезы о предикатах и гипотезы о семантических маркерах способна объяснить природу ассоциативного процесса.

Какова же структура значения и можно ли ее определить эмпирически?

Дж. Диз (Deese 1965) приводит интересные данные, позволяющие выделить психологически состоятельную структуру значения, описываемую распределением свободных ассоциаций. Диз рассматривает различные понятия значения, среди которых можно назвать категориальное, словарное, ассоциативное и другие, и приходит к выводу, что психологической структуре значения наиболее адекватно ассоциативное значение.

Последнее представляет собой потенциальное распределение ответов на некоторое слово-стимул. Такое распределение почти

² Сложнее ситуация, например, с языками эргативного строя. В грузинском языке строй предложения принципиально отличается в перфектных временах, когда подлежащее оформляется особым эргативным падежом, а объект стоит в общем.

невозможно получить от отдельного индивида, тем более что нам интересно узнать максимально внеконтекстное значение, а у одного и того же индивида оно может быть под сильным влиянием тех ситуаций, с которыми он соприкасался в предшествующее эксперименту время. Поэтому особенно важно получить столь же значимый результат от группы испытуемых, когда наличие большого числа ответов на одно слово-стимул дает распределение, максимально приближающееся к потенциальному.

Следующий вопрос: можно ли считать достоверным распределение некоторого числа ответов на слово-стимул? Ведь возможны различные препятствия при получении данных. Дж. Диз предлагает для исключения случайных возможностей довольно простую процедуру. Потенциальное распределение ответов на данный стимул может дать представление о структуре значения слова. Но если использовать ассоциативный эксперимент как таковой, т. е. получать различные словесные ответы на заданное тестовое слово, мы не смогли бы обеспечить достаточно определенное представление о дистрибуции, так как, продолжая тестирование, мы получали бы новые ответы, среди которых определенное место занимали бы идиосинкразии. Это значит, что полученное распределение будет с открытым входом.

И все же для изучения структуры значения наиболее перспективно распределение ответов в тестах на свободные ассоциации. Правда, эти ассоциации часто бывают несвободными от контекста. Как пишет Диз, лишь первое слово практически не контекстно, но каждое последующее находится под неконтролируемым влиянием предшествующих. Приемлемый способ борьбы с такими «помехами» – использование только первого ответа одного испытуемого. Другой способ, предложенный Б. Гарскоф и Дж. Хастоном, – использование множителя ответов одного и того же испытуемого (Garskof, Houston 1963). Этот способ дает некоторые искажения, поэтому лучше всего ограничиться первым, который значительно проще.

Важнейшие требования к дистрибутивному анализу, которые в то же время служат оптимальными характеристиками ассоциативного значения, следующие:

- 1) ограниченность числа ассоциаций полученными ответами;
- 2) минимизация влияния контекста.

Понятие ассоциативного значения у Диза включает в себя лишь часть собственно значения, которое гипотетично, сложно и дина-

мично. Но ассоциативное значение представляет наибольшую часть значения, которую можно получить в результате использования какой-нибудь одной методики.

Довольно редко в ассоциативном эксперименте на слово-стимул дается в ответ то же слово. Однако В. Баусфилд, Б. Коэн и Г. Уитмарш (Bousfield *et al.* 1957) считают, что это вина инструкции. Часто без инструкции испытуемые повторяют в ответ слово-стимул. Это дало повод считать, что каждый ассоциат включает два ответа:

- 1) сам себя (т. е. обычно отмечаемый в эксперименте ответ);
- 2) некоторое предполагаемое слово.

Такое предполагаемое слово назвали репрезентативным ответом. Баусфилд с соавторами считают, что репрезентативный ответ идентичен в языковой форме самому слову-стимулу. Такое положение становится очевидным в случае, когда слово-стимул по каким-то причинам недостаточно понятно испытуемому; тогда ассоциации возникают не на само стимульное слово, а на репрезентативный ответ. То же относится к словам-каламбурам, идиомам, омофонам, синонимам и т. п. Подобное можно наблюдать при желании говорящего повысить статус речи, сделав ее, например, более «научной». Тогда слова-понятия «репрезентируют» лишь меру понимания и подразумевают обычные слова, которые более или менее «соответствуют» представлению о значении какого-то понятия или термина. Эти ответы, следовательно, опосредованы через репрезентативный ответ.

Отношения между словами отражаются в распределении свободных ассоциаций. И если применить к нему факторный анализ, то можно получить довольно интересные результаты, хотя при этом возможны некоторые ограничения. Например, нельзя получить измерения факторного пространства ассоциативного значения. Практически это вообще нельзя установить каким-либо эмпирическим методом. Матрица распределения ассоциаций дает возможность раскрыть основную структуру отношений между словами внутри любой данной выборки.

Факторы как результат анализа зависят от входящих в матрицу переменных, поэтому очень важно выбрать данные для такого эксперимента. Для определения факторной структуры значения приходится ограничиваться парой слов, противоположных по значению. Такими могут быть антонимы, но также и другие слова.

В качестве стимулов Дж. Диз использовал наиболее частые ответы по нормам Г. Кента и А. Розанова. Обработав полученные данные, Диз подверг их факторному анализу и получил систему из шести факторов:

1-й фактор включает в себя положительные слова, наиболее близкие к стимульному;

2-й фактор – тоже положительные слова, но занимающие более отдаленный уровень;

3-й и 4-й факторы – как положительные, так и отрицательные слова;

5-й и 6-й факторы – в основном отрицательные.

Для проверки психологической реальности факторов Диз предлагает провести небольшой эксперимент. Испытуемым дают карточки, на которых написаны стимульные слова, и просят распределить их на две группы. С большой надежностью получаются соответствия 1-му и 2-му факторам.

Однако содержательная интерпретация факторов Диза все же довольно далека от интуитивного распределения слов по семантическим классам, поэтому в последние годы для экспериментального исследования семантических связей и семантической структуры слов чаще используются другие методики, основанные на ассоциациях лишь косвенно. Мы имеем в виду, в частности, методики оценки семантической близости (*cluster method*) (Miller 1969a).

И все же ассоциации дают интересные возможности культурно-психологических интерпретаций. Статистический метод позволяет рассмотреть коллективный контекст лексической памяти, но индивидуальный опыт включает в структуру значения и смысловой компонент. Переживание, эмоциональное восприятие того или иного предмета, его конкретно-психологическое содержание создают видимый при статистическом подходе «разброс» ассоциаций, что при индивидуальном подходе может быть объяснено условиями усвоения того или иного понятия, в том числе и «фиксированного» в словесной форме. И здесь становится важным именно смысловое «наполнение». На этом, в частности, основаны различные формы «детекции» лжи.

Не ограничиваясь психолингвистическими задачами, можно получить интересные материалы для культурологического исследования.

Жизнь человека начинается с, казалось бы, простого и даже элементарного процесса кормления. Большую часть своей жизни

младенец проводит в состоянии сна и пробуждается, когда чувствует дефицит питания. И тогда мать дает ему возможность восполнить такой дефицит. Благодаря безусловному сосательному рефлексу возникает, а точнее, восстанавливается тактильный контакт с питающей средой, «знакомый» еще из внутриутробного существования. Постепенно «внутренняя среда» заменяется внешней, но восстанавливающей в ином качестве ту же тактильную связь. Ребенка одевают для сохранения тепла, кормят для компенсации затраченных на развитие сил, моют и так далее. Однако важнейшим остается именно момент кормления. Но не столько само кормление, а «оформление» факта насыщения принципиально меняет построение мира. Ребенок, отталкиваясь от груди, начинает, во-первых, ощущать самого себя и все остальное, во-вторых, сосредоточивать внимание на источнике благоприятного ощущения. Это, в свою очередь, актуализирует конвергенцию глаз. В-третьих, «задается» точка отсчета длительности отдельного акта и его структурность, которую «обеспечивает» безусловная способность приближать и отдалять источник питания, а также координировать различные функции. Например, сосание и дыхание. В-четвертых, задается экспозиция фона, на котором осуществляется поиск источника потребности. В-пятых, возникает контакт, коммуникация, с опорой на общение со взрослым. Интересно, что «призыв» в форме плача – сигнал о неблагоприятности, а «комплекс оживления» – сигнал о благоприятности.

Несмотря на элементарность, акт кормления богат фундаментальным значением. В процессе данного акта закладывается основа для развития. И в самом деле, принципиально важно, что рациональный взгляд на мир вещей и людей формируется в привычных рамках оппозиции «хороший – плохой», «вещь – фон», разнообразных отношений между предметами – положение вблизи, над-под и т. д. Способствует этому «закрепление» данного качества в ходе младенческих игр с бросанием предметов (игрушек), на первый взгляд совершенно бессмысленных, с точки зрения взрослого, но принципиально важных для ребенка, так как в ходе таких «бессмысленных» бросаний познаются пространство и его свойства.

Самое важное для обсуждаемой проблемы – возникновение коммуникативного пространства, в котором звук начинает выполнять роль в достижении целей. Если поначалу сущее «делится» на две составляющие, а сигналы ввиду однообразия потребностей не столь четко дифференцированы, то и коммуникация остается одно-

образной – крик и сосание. Логика развития, т. е. разложение среды на отдельные «контексты», ведет к разнообразию сигнальной сферы. Из первичной тактильности «выделяется» дистантная. Это не только зрение, но и многое другое, включая речь.

Сигнальная функция усложняется, но во многом остается звукоизобразительной. Значение развивается по пути разложения целостного чувственного образа на дифференцирующие признаки путем сопоставления с другими. В результате формируется образное пространство. Усложняются, с одной стороны, само пространство и, с другой – вычленяемые в нем объекты и отдельные признаки. Сложность функциональных свойств придает ментальному пространству (субъективности) лабильность (и не только в речевом, но и чувственном плане). На мой взгляд, первичная ассоциация связана с первичным же образом, выраженным тем, что у Баусфилда с соавторами названо репрезентативным ответом. И хотя в дальнейшем происходит аналитическое членение (дезинтеграция) изначально целостного восприятия, его истоки сохраняют свое значение. Принципиально важно для речи, что сохраняются также его звуковые признаки, притом принципиально контекстно! Восприятие целостно не только в том смысле, что предметно, но и в том, что оно изначально интермодально. Когда первоначально непосредственный контакт постепенно заменяется дистантными средствами, сохраняется связь (ассоциация) с предшествующим. «По словам Гиппарха, [зрительные] лучи, которые вытягиваются из каждого глаза, своими концами, словно прикосновениями рук, ощупывают внешние тела и передают восприятие к органу зрения. Некоторые приписывают это мнение и Пифагору как авторитету в математических науках и, кроме того, Пармениду, который обнаруживает этот взгляд в своих стихах» (Фрагменты... 1989: 284).

Освоение языка принципиально проходит через период интонационного членения. Поскольку звуки не вполне дифференцированы, воспроизводится «рисунок слова». Если до двух лет ребенок только начинает «изображать» звуковые образы путем как бы диалога с появлением односложных выражений типа «аф», «ма», «па», «Ан» (Антон), то после двух лет появляются многосложные слова: «какака» (собака), «мама», «папа», «Акока» (Антошка). При этом воспроизводится только интонационный рисунок с соответствующим ударением, падающей и восходящей интонацией, а чаще и с указательным жестом. Дифференциация фонем происходит со вре-

менем, то есть с опытом. Звуковые образы тем более успешно усваиваются, чем более соответствуют чувственному опыту.

Известное стихотворение В. Хлебникова дает об этом некоторое представление:

Бобэоби пелись губы,
Вээоми пелись взоры,
Пиээо пелись брови,
Лиэээй – пелся облик,
Гзи-гзи-гзэо пелась цепь.
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо.

Конечно, звукообразность с возрастом обычно не столь четко проявляется. Но некоторым свидетельством такой изначальности может служить синестезия, которая, как отмечается, в раннем возрасте встречается значительно чаще.

Для иллюстрации приведу распределение ассоциаций по материалам нескольких ассоциативных словарей для слова «дом»³.

ДОМ – здание; новый; родной; семья; квартира, сарай; красивый, мой; большой, высокий; изба, светлый, хороший; наш, очаг, свой, хижина; двухэтажный, жилище, жилье, красный, крепость, сад, старый; высотный, кирпичный, комната, крыша, хозяин... (Словарь... 1977: 92).

УЙ – большой; глинобитный дом; красивый; теплый; светлый; высокий; юрта; хороший; новый; двор; чистый; белый; сарай; строить; семья... (Титова 1975: 49).

ДОМ – большой; высокий; красивый; квартира; кирпичный, крыша, мой; здание; дым; забор, семья; белый; наш, том... (Там же).

ЮРГА – круглая; горы (в горах); дом; киргизская; киргиз (киргиза, киргизов); белая; большая; кошма, стоит; войлок; чабан (чабана); дым; маленькая; пастбище; старая; круг, кумыс, палатка... (Там же).

МĀJA – большой; новый; мой; дом (*nams*); высокий; квартира; окна (без окон); белый, маленький; кирпичи; свой, старый; здание, личный, красивый; дверь, крыша; постройка, комната, на горе, дома; родной, жить, улица, куриная нога, тепло, забор... (Ульянов 1988: 106–107).

³ Наиболее частотные. Одночастотные ассоциации отделены запятой, варианты представлены в круглых скобках, в иноязычных примерах даны только переводы на русский язык.

НАМС – дом (*māja*); большой; высокий; новый; белый (Белый дом); старый; окна; постройка; квартира; здание; мой; красивый; многоэтажный, улица, пятиэтажный; дверь, серый; город; лачуга, будка, светлый, каменный... (Ульянов 1988: 117–118).

ДОМ – большой; мой; высокий; уют; квартира, кирпичный; окна (с окнами); дача; красивый, многоэтажный, свой, труба (с трубой); белый, каменный, родной; двухэтажный, кирпич, пятиэтажный, тепло; деревянный, семья, с мезонином, собственный... (Там же: 107).

Приведенные примеры на первый взгляд показывают бессистемный характер ассоциаций на ключевые слова. Но при этом разные языковые системы в определенном смысле демонстрируют и некоторое сходство. Во всяком случае, выявляемые «чисто» логические (в том числе предикатные) связи перемежаются теми, которые можно отнести к чувственному опыту. А в затруднительных речевых ситуациях изобразительные «формы» слов (например, жестикуляция) могут оказаться весьма продуктивными.

Более интересным оказывается материал семитских языков. А. М. Газов-Гинзберг в книге «Был ли язык изобразителен в своих истоках?» (1965) выделяет несколько таких истоков:

- «внутреннее звукоизображение» – воспроизведение «естественных устных звуков», т. е. звуковых физиологических процессов, производимых человеческим ртом и носом, а также аффективных выкриков – междометий в узком смысле слова;

- «внешнее звукоизображение» – подражание звукам, производимым внешней природой (а также неречевыми органами человека);

- «язык жестов» – озвучивание первоначально беззвучных движений или форм внешних предметов;

- «лепетные слова», в которых легкие для ребенка звуко сочетания становятся обозначением наиболее близких к ребенку лиц.

Газов-Гинзберг представляет значительный материал вместе с примерами из других языков. Например, дуновение, втягивание носом, сосание, глотание, свист, ржание, щебетание, хватание, распарывание, шорох, порхание и т. д. И речь не только о междометиях, сопровождающих то или иное действие, но по существу о звуковом изображении человеческого опыта (Там же: 18–26), о формировании особой системы звукоизображения чувственного переживания, создающей коммуникативное пространство, которое обеспечивает общение.

Моделью может служить известная искусственная фраза Л. В. Щербы: «Глѳкая кѳздрѳ штѳко будланѳла бѳкра и кудрячит бокрѳнка». В ней лишь одно слово «и» и грамматические форманты реальны, но фраза оказывается «понятной» благодаря «изобразительности» корней слов.

Рефлексом этого состояния могут служить фонетические accommodations в заимствованных словах:

Латинский	Итальянский	Румынский	Испанский	Португальский	Французский
<i>Stella</i> (звезда)	<i>Stella</i>	<i>Stea</i>	<i>Estrella</i>	<i>Estrella</i>	<i>Étoile</i>
<i>Schola</i> (ученый доклад, учебное заведение)	<i>Scuola</i>	<i>Școala</i>	<i>Escuela</i>	<i>Escola</i>	<i>École</i>
<i>Studēre</i> (усердно работать, заниматься)	<i>Studiare</i>	<i>Studia</i>	<i>Estudiar</i>	<i>Estudar</i>	<i>Étudier</i>

Наличие протетического «e» и вставочного «r» относится к региональным различиям, что обусловлено особенностями развития языков. Это явление встречается часто. Ср., например, русское *встреча* от *сретенья*, *аржаной* от *ржаной*.

Более интересны заимствования между разнотипными языками (примеры китайских и вьетнамских слов взяты из соответствующих словарей – см. в литературе к данной статье).

俄罗斯 *éluósī* – Россия (сравните монгольское *орос*), но обычно в форме 俄(国) *é* (*guó* – страна). Таким образом, протеза даже заменила собственное имя, а отсюда и вьетнамское *Nga-la-tu* (так читаются китайские иероглифы во вьетнамском языке) превратилось в *Nga* (*quốc*). Фонетическое заимствование подверглось последующей accommodations. Правда, их словоупотребление все же отличается: русский (человек) – 俄国人 – *nguòì Nga*; русский (язык) – 俄语 – *tiếng Nga*.

Интересно, что китайские транскрипции иностранных слов редко используются в китайском языке и по возможности сокращаются. Так, «пролетариат» заимствовался в форме 普羅列塔利亞 [*pǔ lúo liè tǎ lì yà*], но сократился [*pǔ lúo*]⁴, и все-таки предпочтительным в конце концов оказывается описательный способ заим-

⁴ Про! Впрочем, такое сокращение использовалось в ироническом смысле.

ствования – 无产阶级 [*wú chǎn jiē jí*]. Однако иногда фонетический способ сохраняется 布尔什维克 (布爾什維克) [*bù ěr shí wéi kè*] – большевик. При фонетическом заимствовании немаловажным является «выбор».

Во вьетнамском языке, как и в других языках, использующих или использовавших китайскую иероглифическую письменность, помимо большого числа китаизмов, в основном книжного происхождения, встречаются и заимствования из других языков. Как и китайские, такие заимствования подвергаются звуковой аккомодации. Например, французские слова во вьетнамском:

Ô-tô (*auto*) – автомобиль.

Sà-phê (*café*) – кофе.

Ga (*gare*) – вокзал, станция.

Bơ (*beurre*) – масло [при *bơ* авокадо].

Или имена собственные: *Các Mác* (Карл Маркс), *Cơ Đốc* (Христос). Но *Vla-đi-mia I-lich Lê-nin*, *Vla-đi-mi Vla-đi-mi-rô-vich Pu-tin* и даже *Phridrich Ăngghen* (Фридрих Энгельс).

Развитие словаря:

– семитские корни. Особенность семитских языков состоит в сохранении основного, преимущественно трехслогового корня, оформляемого разным набором гласных. При этом первые две согласные корня носят важный для семантики характер, третья «расширяет» и «уточняет» значение «целого» корня, а схема гласных является морфологическим оформлением конкретного слова. Это так называемый *трансфикс*. Похожий способ имеется и в других языках, но не является основным. Сравните: уМиРать, уМеРеть, уМоРить, уМРи. В то же время в семитских языках используются и аффиксы, хотя их употребление не столь велико, как, например, в индоевропейских и особенно тюркских, финно-угорских и некоторых других.

LHM – «есть, вкушать»⁵. Реализуется в арабском لحم – *LaHM* – мясо, плоть; لهم⁶ – *LaHiMa* – есть, поглощать, поедать, потреблять; لحم – *LaHaMa* – соединять, скреплять, спаивать и в форме التحم –

⁵ С точки зрения происхождения: *L* – движение языка, *H* – движение глотки (Газов-Гинзберг 1965: 125). Для сравнения: в русском – Лизать, ЛаКать; в немецком – *LeCKen* – лизать, лакомиться.

⁶ Несмотря на орфографию, т. е. написание ◦ вместо ح, семантическая связь здесь несомненна.

'iLtaHaMa – сражаться, сцепляться, отсюда ملحمة – *maLHaMat* – кровавое сражение, битва⁷ (Баранов 1962: 915–916, 935). Соответствующие корреляты в иврите содержат те же значения, за исключением *LeHeM*, которое означает хлеб, а не мясо. Это объясняется переосмыслением еды вообще в основной продукт – хлеб. Однако *LHM*: חלל – *LaHaM* – есть хлеб; в форме חלל – *niLHaM* – воевать; в форме חלל – *hiLHiM* – паять; חלל – *miLHaMa* – война (Шапиро 1963: 292, 341).

– «слоговые» языки (вьетнамский, китайский). В основном используют разного рода словосложения и значительно меньше так называемые полуаффиксы, которые тем не менее происходят от знаменательных слов. Китайские: 人工 – *réngōng* – искусственный (человек-работа), 工人 – *gōngrén* – рабочий (работа-человек). 脖子 – *pàngzi* – толстяк, 脖子 – *pàng le* – потолстел. В этом случае 子 – *zi* от *zǐ* (сын), 了 – *le* от *liǎo* (закончить). Вьетнамские: *Đựng nền* – заложить основы, *làm nên* – сделать, *áo lụa* – шелковая рубашка (рубашка-шелк)⁸.

Во вьетнамском языке благодаря множеству китайских заимствований появилась возможность воспользоваться еще одним способом – переносным значением отдельных китаизмов:

Bách – «сто»⁹ (при обычном вьетнамском *trăm*):

Vườn bách thú – зоопарк (парк «ста» животных),

Vườn bách thảo – ботанический сад (парк «ста» трав),

Bách hóa – универсальный магазин («сто» товаров),

Bách Khoa – энциклопедический, политехнический («сто» наук),

Bách Nghệ – ремесленный («сто» профессий).

Очевидно, что для развития лексики при подобном методе требуется наибольшая свобода ассоциаций, то есть словоформа должна обладать широким спектром характеристик для сочетаемости. Само слово-корень обладает полисемией: вьетнамское *làm* может означать «делать, работать, исполнять, осуществлять, производить, изготавливать, быть, строить...». Для конкретизации требуется контекст. Например, *làm thơ* – писать стихи, *làm ăn* – зарабатывать, *làm theo* – подражать, *làm vui* – радовать...

⁷ Образ битвы как сцепки в «единую плоть», результатом которой будет кровь, в русском языке «они сцепились...». Ср. «кровавая мясорубка».

⁸ Определительная конструкция развивается направо от определяемого.

⁹ В значении: много. Ср. русское: сто лет не виделись.

«Многосоставность» маркеров значения не только дает возможность «опоры» на зрительный образ, как считается, но и «включает» другие модальности. Такое свойство создает предпосылки для «коррекции» восприятия, например, у слепых.

Таким образом, «ассоциативный ряд» не только возникает под воздействием речевого воспитания, но и включает значительно более широкий контекст чувственной информации, снимающий способы усвоения значений. По сути, мы имеем дело с разворачивающимся в последовательное действие интегральным образом. При этом включаются как сознательный, так и бессознательный инструментарий. Образ предмета отчленяется от фона (среды), но при этом субъективно переживается весь контекст восприятия.

Ассоциации, как правило, вторичны, представляют собой опыт освоения значений слов.

Литература

Баранов, Х. К. 1962. *Арабско-русский словарь*. М.: Гос. изд-во ин. и нац. словарей.

Газов-Гинзберг, А. М. 1965. *Был ли язык изобразителен в своих истоках? (Свидетельство прасемитского запаса корней)*. М.: Наука.

Глебова, И. И., Зеленцов, В. В., Иванов, В. В., Никулин, Н. И., Шилгова, А. П. 1961. *Вьетнамско-русский словарь*. М.: Гос. изд-во ин. и нац. словарей.

Ошанин, И. М. (ред.). 1955. *Китайско-русский словарь*. М.: Гос. изд-во ин. и нац. словарей.

Словарь ассоциативных норм русского языка. 1977. М.: МГУ.

Титова, Л. Н. 1975. *Киргизско-русский ассоциативный словарь*. Фрунзе: Мектеп.

Тюменева, Е. И. 2006. *Вьетнамско-русский словарь. От слога к слову*. М.: АСТ; Восток – Запад.

Ульянов, Ю. Е. 1988. *Латышско-русский ассоциативный словарь*. Рига: Зинатне.

Фрагменты ранних греческих философов. 1989. Ч. 1. М.: Наука.

Шапиро, Ф. Л. 1963. *Иврит-русский словарь*. М.: Гос. изд-во ин. и нац. словарей.

Bousfield, W. A., Cohen, B. H., Whitmarsh, G. A. 1957. Associative Clustering in the Recall of Words of Different Taxonomic Frequencies of Occurrence. *Psychological Reports* 4: 39–44.

Deese, J. 1965. *The Structure of Associations in Language and Thought*. Baltimore: The Johns Hopkins Press.

Garskof, B. E., Houston, J. P. 1963. Measurement of Verbal Relatedness: an Idiographic Approach. *Psychological Review* 70: 277–288.

Miller, G. A.

1969a. A Psychological Method to Investigate Verbal Concepts. *Journal of Mathematical Psychology* 6(2): 169–191.

1969b. The Organization of Lexical Memory: Are Words Associations Sufficient? *The Pathology of Memory*. N. Y.: Academic Press, pp. 223–236.

Woodrow, H., Lowell, F. 1916. Children's Association Frequency Tables. *Psychological Monographs: General and Applied* 22(5): 1–110.